

**ФОРМУЛЬНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА ЗВЕЗДА И
ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ ПОЭТОВ
XX ВЕКА**

О. В. ШУЛЬСКАЯ

Проблема формульности в поэтическом языке неоднократно поднималась в ряде работ, посвященных анализу художественного текста. Актуальным остается вопрос о специальном лингвопоэтическом исследовании формул, о способах их преобразования, а также об установлении и описании поэтических штампов XIX в., от которых „отталкиваются“ поэты.

„Понятие о формульном стиле было впервые разработано в фольклористике... формульный стиль обычно считается признаком фольклора или пережитком его в ранней книжной поэзии. Думается, что о формульном стиле с индивидуальной авторской поэзии можно говорить с тем же правом; во всяком случае нельзя в формульном стиле видеть признак импровизационного происхождения текста, как это иногда делается“ [Гаспаров, 1986, с. 197]. В работе М. Л. Гаспарова ставится вопрос об инвентаризации формульного материала, и хотя объектом исследования являются ритмико-синтаксические клише, проблема рассматривается шире: проблема „формульности стиха интересна тем, что в ней сходятся два уровня строения поэтического текста — лексико-стилистический и ритмико-рифмический“ [Гаспаров, 1986, с. 183].

Известно, что „под формулами понимаются самые разные вещи: куски текстов различной длины (от слова или словосочетания до нескольких строк, группы предложений), повторы точные и вариативные, вариативные на уровне лексики и частично на уровне синтаксиса, единицы, метрически обусловленные и необусловленные. Среди всех этих разнообразных видов клише некоторую часть занимают образные [Павлович, 1988, с. 73].

По-разному называя традиционную поэтическую формулу — „трафарет“, „поэтический штамп“, „стандарт поэтической речи“, „поэтическое клише“, большинство исследователей отмечает, что „использование стертых образных средств не является чем-то предосудительным, антихудожественным. Очевидно, отбор традиционных элементов стихотворной речи может давать различные впечатления о степени „штампованности“ речи“ [Краснянский, 1984, с. 241]. Использование традиционных поэтических формул следует рассматривать не только в границах идиостиля, но и с учетом тех тенденций, которые проявляются в поэтическом языке определенного периода. Анализируя мотивы

и образы поэзии начала XX в., Н. А. Кожевникова отмечает, что „наиболее полно и последовательно традиционная образность в это время „лажается именно в поэзии символистов... В поэзии начала XX в. множество традиционных поэтических формул частного характера... Характер образности и основные особенности словоупотребления символистов во многом связаны с представлением о единстве мира и вытекающей из этого всеобщей связи явлений... Поскольку мир в разных своих проявлениях един, он может быть описан при помощи ограниченного количества образов, представляющих собой сущностные характеристики мира и выражающих универсальные закономерности“ [Кожевникова, 1986, с. 49–50].

Устойчивые средства традиционной поэтической образности, составляющие общий фонд поэтического языка, по сравнению с другими видами формул наименее изучены. „Многочисленные исследования... иногда рассматривают сходные в каком-то смысле образы, но, как правило, собственно семантическая инвариантность при этом не исследуется“ [Павлович, 1988, с. 74]. -

Объектом нашего наблюдения являются некоторые формульные употребления слова *звезда*. Материалом послужили стихотворные тексты многих русских советских поэтов, в том числе стихотворные тексты некоторых представителей „молодой поэзии“ [Эпштейн, 1986], имена которых мы назовем отдельно: Н. Дмитриев, М. Синельников, Т. Бек, О. Хлебников, Н. Краснова, С. Бобков, И. Жданов, А. Королев.

Слово-образ *звезда* широко распространен и значим у многих поэтов, следовательно, опасность формульных употреблений здесь наиболее вероятна. Статус формулы имел ряд сочетаний со словом *звезда* еще в поэзии XIX в. — сюда относятся описательно-метафорические сочетания *звезда любви, поэзии, дружбы, юности, славы*, например: О Делия драгая! Спяши, моя краса: *Звезда любви* златая Взюшла на небеса (Пушкин).

Некоторые исследователи считают, что названные словосочетания сближаются с фразеологизмами, так как значение их целостно, а „значение слова *звезда* почти совсем стертость“ [Большакова, 1983, с. 43]. Устойчивость этих штампов подтверждают и примеры из стихотворений современных поэтов: На красном облаке заката, / Рассыпав целый Зодиак, / О *звезды юности*, / Когда-то / Смотрели вы совсем не так (М. Синельников); Имеет счастье иногда Взойти неведомо откуда, Зайти неведомо куда *Звезда поэзии* как чуда (С. Бобков); А вот строки из стихотворения известного поэта, в которых выражение традиционной связи „звезда — любовь, мечта“ демонстрирует пример формульного стиля: Как в поле роса, как в небе *звезда*, / как в море бескрайнем веселый прибой, / пусть будет с тобой, с тобой навсегда / большая мечта / и большая *любовь!* (Р. Рождественский). В этом смысле интересен контекст А. Королева, сознательно использующего традиционный образ и оживляющего его благодаря нарочито подчеркиваемой поэтической интонации и разговорной фразеологии: И радуйся как никогда, / как только вспыхнет вдруг / и все преобразит вокруг / свидания *звезда*. /

Как образ этот ни избит, / не затыкай мне рот, — / кто много на себя берет, / тот не продешевит.

Сочетание слова *звезда* в генитивной метафоре со словами, обозначающими абстрактное понятие (см. сочетания, приведенные выше), обычно воспринимается как традиционная модель. В современной поэзии нам встретились некоторые примеры генитивных метафор, которые оживляют эту модель: Как волокна огнистого пуха, Из столетия в столетие Летят *Звезды разума, сполохи духа, И странницы в веках шелестья* (Н. Матвеева); *Далека же ты в небе, звезда Идеала!* Но стремиться к тебе — это тоже не мало (Н. Матвеева); *Проходят поезда, Всплывают самолеты. Горит в ночи звезда, Звезда его работы* (К. Ваншенкин); *На пространство и время ладони Мы наложим еще с высоты, Но поймем, что в державной короне Драгоценней звезда нищеты, Нищеты, и щеты, и заботы* О нерадостном хлебе своем, *И с чужими созвездьями счесть* На земле материнской сведем (А. Тарковский).

Стремление поэтов максимально использовать культурные насыщенные, устоявшиеся формы того или иного слова, погруженного в контексты многих эпох, проявляется в реминисценциях. Наш материал показал, что при обращении к образу звезды наиболее часто поэты развивают лермонтовскую тему (*И звезда с звездою говорит*). В большинстве случаев заимствование носит сознательный характер. Образ используется в качестве сигнала, влекущего за собой известные ассоциации. Так, разработку лермонтовской темы мы находим у О. Мандельштама. В „Грифельной оде“ есть две „цитаты“ из Лермонтова — „звезда с звездой“ и „кремнистый путь“: *Звезда с звездой — могучий стук, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремль с водой, с подковой перстень*. Здесь „открытым текстом заявлено, что последнее выражение „из старой песни“... (авторизованный список первоначального издания содержал и эпиграф из Лермонтова — „И звезда с звездою говорит“). Наиболее вероятно, что в „Грифельной оде“ лермонтовские образы возникли по ассоциации с метафорами „кремня“, каменных пород, варьировавшихся в разнообразных вариантах“ [Семенко, 1985, с. 115].

Название стихотворения Б. Слуцкого „Звездные разговоры“ уже отсылает нас к известному тексту Лермонтова. „Чужой“ элемент поэтической речи включается здесь в современный контекст, обновляющий содержание образа. Развивая лермонтовскую тему, поэт вводит нас в свой поэтический мир, как бы сопрягая времена:

Тишина никогда
не бывает вполне тишиной.
Слышишь звоны? *Звезда*
громыхает в ночи ледяной.

Зацепилась зубцом
за *звезды* проходящей обгон.

Вот и дело с концом —
происходит вселенский трезвон.

И набат мировой
объявляет пожар мировой
над моей головой,
от внимания еле живой.

Так и заведено:
слышать звезд на осях оборот
никому не дано!
Каждый сам это право берет.

Посчастливилось мне —
Я услышал совсем молодой
на родной стороне,
как звезда говорит со звездой.

Значение традиционных образов и их воздействие на нас может быть сильнее оттого, что, повторенные, они обогащаются эмоциями тех художников слова, которые ищут в них новый смысл. Преобразованные, они дают эффект совмещения различных ассоциаций в одном слове. Образ приобретает удвоенную интенсивность.

Стихотворение А. Прокофьева „Приметы времени“ содержит эпиграф из Лермонтова „И звезда с звездой говорит“. „Объяснение эпиграфов и цитат состоит... в том, что они ставят текст, использующий цитату, в определенный культурно-исторический ряд, раздвигают рамки произведения, создают смысловую перспективу, увеличивают эмоциональность текста“ [Джанджакова, 1988, с. 30]. Ассоциации, связанные с текстом Лермонтова, „подключаются“ в этом стихотворении к новому тексту, в котором присутствует название современной реалии — *спутник*:

По России шли тогда метали,
Видно, Север трубку закурил,
Мы тогда в Италию летали,
Спутник со звездой говорил.

Заметим, что именно этому лермонтовскому образу настолько „повезло“, что он продолжает варьироваться и в современной поэзии, тем более, что обращение к традиционным образам, как отмечают критики, не случайно для современной поэзии — „и самая живая сегодняшняя поэзия как раз и является предельно культурной — не в смысле культурности как заваленного знания, а в смысле культуры как накопленной памяти, духовной преемственности, расширяющей содержательную вместимость каждого образа“ [Эпштейн, 1986, с. 59].

Как известно, цитаты могут быть точными и неточными. „Основным приемом использования цитаты становятся разного рода трансформации ее и сопоставления. Смысловый эффект извлекается при этом из возникающих отношений совпадения—несовпадения“ [Джанджакова, 1988, с. 37].

Стихотворение В. Шуваева „Оборванная связь“ (Знамя. 1988. № 6), содержащее неточную цитату, демонстрирует новый поворот в развитии известной темы:

Что ж это в мире
Случилось со слухом?!
Ведь „со звездой говорила звезда“!
Слышим, как в Африке плачет старуха —
Друг же ко другу глухи навсегда!
— Что ты кричишь?

– Я не слышу! Не слышу!
Ты разрываешься криком немым.
Сколько уж лет мы друг друга не слышим...
Словно в наушниках рядом стоим.

Словно в ночи телефонного зала
Мир разрывается словом немым:
– Что ты сказала мне?
– Что ты сказала?
Поздно мы эти слова говорим.

Поздно придешь
К родному порогу,
Пыльную кепку свою тебе –
За серебрянкой и господом богом
Мать никогда не услышит тебя...

Поздно кричу я
Тропинкам и рекам,
Этим зверятам и этой звезде –
Всю свою позднюю боль человека,
Словно последнюю речь на суде!

Отзвуки перматовского образа (тема звездных разговоров, тема дороги и неба, звезд, вселенной) мы находим и в следующих контекстах: И в ночи не однажды Выхожу на погост, Принимаю всю тяжесть Каменеющих звезд (Н. Тряпкин); Чей-то зов / Я слышал из далекого предела. / А сам-то где я был? Нигде. Везде. / И как звезда я говорил звезде, / Но ты ответить мне не умела, / А тело сразу легкость обрело, / Оно помолодело так внезапно. / Оно струилось, пело и текло, / И трепетало звонко, как мембрана. / Я ликовал и плакал в этот миг. / Я в этот миг вселенную постиг (Л. Озеров); Пронесется ночные поезда, И меркнет окрик грянувшего рога. Так пусть рука не дрогнет никогда И звездами наполнится дорога (М. Синельников).

В поэтической речи XIX в. очень широко распространено сближение звезд и глаз (очей) [Шульская, 1986; Павлович, 1988]. В традиционном контексте образную парадигму *звезды – глаза* можно рассматривать как формулу. См., например, стихотворные тексты поэтов XX в.: *Ее глаза, как звезды, сини* (И. Сельвинский); *И дивно озарил испуг Два диких глаза, две звезды* (С. Городецкий); *У вихрестых мальчишек, что ловят грачей И несут в руке полушубка отца, Я видал эти синие звезды очей, Что глядят с вдохновенных картин Васнецова* (Д. Кедрин); *Над Смоленской дорогою, как твои глаза – два вечерних звезды – голубые моих судьбы* (Б. Окуджава).

Заметим, что в современной поэзии этот поэтический штамп встречается не часто. Так, в стихотворных текстах Е. Винокурова, А. Межилова, Л. Озерова, К. Ваншенкина, Е. Евтушенко, А. Вознесенского,

Р. Рождественского, Н. Матвеевой, И. Шкляревского, А. Преловского, Н. Третьякова, О. Чухонцева мы не нашли ни одного случая сближения глаз и звезд. Даже поэзия молодых, представленная названными выше именами, дала только один пример подобной «соотнесения» — это контекст М. Синельникова, который вообще «неравнодушен» к формулам: И свет с высокого востока Явиться медлил иногда, И, как всевидящее око, Мигала с облака звезда.

Возможно, потенции данной образной связи уже исчерпаны в поэзии, хотя не исключено что и этот штамп может быть преодолен путем различного рода преобразований. Безусловно, чтобы сделать определенный вывод о том, что соположение звезд и глаз в традиционном контексте не удовлетворяет современных поэтов, надо располагать достаточно большим материалом. Но даже наш далеко не полный материал дает возможность говорить о стремлении поэтов избежать этой заезженной формулы.

Однако не от всех формульных сочетаний отказываются поэты. К таким устойчивым формулам относится выражение *до звезды (до звезд)*. В значении «до вечера, до появления звезды» оно используется как общезыкомого фразеологизм, например: Свободы святыль пустынный, Я вышел рано, *до звезды* (Пушкин). В значении «далеко», а также «высокая степень чего-л.» *до звезд* можно рассматривать как гиперболу. Этот образ был широко распространен уже в поэзии XVIII в., например: Там холмы и дрова зывают И громким гласом возвышают *До самых звезд* Елисавет (Ломоносов); Тогда занесла свой глас и дух Москва *до звезд* (Ломоносов).

Вот лишь некоторые из многочисленных примеров, встретившихся в контекстах поэтов XX в.: С земли *до звезд* встает Москва (В. Бровцов); Потомки, Пусть внуки януков донесут *до звезд* О том, как бил врага лхой порою Великий город мой — герой героев (А. Прокофьев); Пролегла дорога На тыщи верст, А работы много — *Аж до звезд* (А. Прокофьев); ...если ласы точить — не пожалует в гости руда / и пшеница *до звезд* не дотянется никогда (О. Шестинский); Уж вот он снова мне пеняет, как бывало. Что я художников *до звезд* превознесла (Н. Матвеева); На церкви ты растешь, береза, В предощущении беды. И до земли не доберешься, И не дотянешь *до звезды* (Н. Дмитриев); Осеню сорок шестого в калужском бору Мне читал Гумилева Мой старший (и старший) товарищ ... Лишь звезды висели, над нами красиво висели, И долги строки Легко доставали *до звезд* (Н. Панченко).

Соотнесение звезды и человека, чаще всего женщины, очень распространено в поэзии как XIX, так и XX в. См. некоторые примеры из стихотворных текстов поэтов XX в.: Ты будешь мне светлой *звездой* (А. Блок); Чтоб вся на свете женщины, / как *звезды* зацвали (Н. Асеев); И если что-нибудь живое Услышишь в повести седой, Скажи спасибо молодое Той, кто была моей *звездой* (С. Городецкий); Чтобы шла ко мне домой, Как *звезда* падающая, Чтоб сказала: „Милый мой, Я по тебе соскучилась“ (А. Прокофьев).

При реализации этой „вечной темы“ нередко проявляется баллетристическая инерция, например: Венежанка, волосы расчесывая, / над волнами склонилась у окна, / от отблеска зари как будто розовая / и, как звезда, в воде отражена (О. Шестинский); Ты — отраженной в зеркалах / Валетавшая на пируете — Звездой казалась мне в расцвете, Теперь — в злой стоишь в глазах (С. Бобков); Все бездарней и никчемнее Что во мне и что со мной, Ты была звездой вечером, Выпрямляла путь земной (Н. Дмитриев).

В отличие от модели „глаза—звезды“ параллель „человек—звезда“ принимает самые разные формы, что свидетельствует о далеко еще не исчерпанных потенциях этой смысловой связи, например: Кто — / Геометрическое среднее / Между атомом и солнцем?... // Вот ведь / какова ты, / Нечто среднее / Между атомом и звездой! (Л. Мартынов); Она как озеро лежала / стояли очи как вода / и не ему принадлежала / как просека или звезда (А. Вознесенский).

Отметим случай изменения коннотативного ореола слова звезда в рамках данного традиционного образа. При соотношении человека со звездой последняя обычно предстает со знаком „плюс“. В контексте Н. Старшинова, где звезда употребляется со знаком „минус“, традиционный образ получает новое звучание: Ужели тебе я родной? Да ты разминулась со мной. Мы — звезды в безбрежном просторе: Все врозь — и дела, и долги, Все врозь — и друзья, и враги, И скука, и радость, и горе.

В ироническом контексте Е. Евтушенко сознательное употребление штампа служит для характеристики персонажа: Он складно врет соседкой Дуне, / что, мол, она — его звезда.

При рассмотрении данной образной связи следует отметить широко распространенный способ словообразования, реализующий названную модель — метаморфозу. Если в 60-е гг. лишь отдельные поэты воспринимали XX в. как „век превращений, метаморфоз“ [Григорьев, 1979, 218], то современные критики утверждают, что в поэзии 80-х гг. образ „строится как поступательное опосредование все новых явлений, не просто сходных или смежных, но переходящих друг в друга. Для обозначения этого типа образности было бы уместно прибегнуть к понятию „метаморфозы“. Признак не переносится с предмета на предмет, оставляя их существование раздельным и обособленным, как в метафоре, но указывает на превращение самих предметов, выступает как их связующее звено, как область их причастности... Теперь, в 80-е гг., метаморфоза действительно может быть определена как ведущий принцип поэтического мировидения“ [Эпштейн, 1986, с. 68]. Однако применительно к образу звезды метаморфоз как конкретный художественный прием была распространена и ранее, см., например: Я сонным омутом чернел, Бог звездочкой в струях казался (В. Иванов); Хотел бы я покинуть эти своды, Чтоб в час любви из ясных недр свободы Блеснуть над миром трепетной звездой (Н. Заболоцкий). См. примеры метаморфоз в контекстах современных поэтов: Если / умру — / стану травой. / Стану листвою. / Дымом костра. / Веш-

ней землей. / Ранней звездой (Р. Рождественский); О родина, попросаемся, / буду звезда, ветла (А. Вознесенский); „Люблю!“... сквозь пепел губ моих к тебе Прокинулось. Погасло. Но звездой / Ты продолжалась властно надо мной (С. Бобков); Будешь вольною птицей. Будешь яркой звездой (А. Жигулин).

В поэзии военного поколения образ звезды как символа солдатской судьбы получает различные трансформации, см., например, метаморфозу Б. Слуцкого: Мои товарищи на минах / подорвались, взлетели ввысь, / и много звезд, далеких, мирных, / из них, моих друзей зажглись. По-видимому, обращение к метаморфозе связано с мировосприятием поэтов военного поколения, для которых идея преодоления смерти, превращения человека в иную сущность очень характерна, ср. известные строки Р. Гамзатова: Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей, Не в землю нашу легли когда-то, А превратились в белых журавлей. Эта тема „превращений“ звучит и в поэзии молодого поколения: Слышу грома первые раскаты – Хоть живой водою окропи, Больше не поднимутся солдаты, Звездочкой проросшие в степи (Н. Дмитриев).

Говоря о формулах поэтического языка, необходимо учитывать не только традиционные модели. „Формулы поэтического языка, как и другие его средства, обнаруживают диалектику художественной речи: оживление старых формул постоянно и противоречиво переплетается с возникновением новых“ [Григорьев, 1979, 239]. К таким формулам следует отнести частое использование двойного плана слова звезда: „небесное тело“ и „геометрическая фигура“. Новая реалья, вошедшая в жизнь советского государства после Октябрьской революции, – звезда как эмблема Красной армии и элемент символики советского государства – получила широкое отражение в русской советской поэзии. Стихотворение А. Прокофьева „Давно пришло раздумью время“ как бы демонстрирует образную реализацию этой новой темы:

Давно пришло раздумью время,
Как хорошо идти в ряду
И только с теми, только с теми,
Кто вывал красную звезду
На богатырки боевые,
На все идущее вперед,
На наши стяги зоревые,
На самолет, на звездолет,
На наши пашни, наши башни,
К народу гордому всему,
Кто полюбил с : в бесстрашье,
И поднял к солнцу, в дар ему!
Он поднял к солнцу, дар бесценный,
И рвется темных туч гряде,
Ведь первый луч из рук Вселенной
Послала Красная звезда!

Особое внимание к этому поэтическому штампу характерно для идиостилей А. Прокофьева и Е. Долматовского: Мы к вершинам всесветным перекинули мост, К тем, пронизанным светом наших пламенных звезд (Прокофьев); Повидали мы дальние страны, Но в разлуке нам сиять всегда наши реки, березы, поляны И под *красной звездой* города (Долматовский); Но стоят на страже люди всей планеты, И неодолимы *Звезды*, что салютом грозным в честь Победы Над землей зажгли мы (Долматовский).

Формульными стали сочетания *звезды России (Руси)*, *звезды Москвы*, *Кремлевские звезды*. Варьирование этих сочетаний — еще одно свидетельство их формульности: Гори, гори, державная *Кр-млевская звезда*, Сверкай на стягах славная, Навеки, навсегда! Пусть в небе выются соколы, Пусть вечно молодой Стоит страна высокая Под *красною звездой!* (А. Прокофьев); Смотрят на землю пристально *звезды России*, Им виднее всего, как мы вышли из тьмы (В. Боков); Здравствуй Москва! С добрым утром столица, Жить тебе молодо и не стареть! Твой горизонт никогда не замглится, *Звезды* твои будут вечно гореть (В. Боков).

Как известно, молодые поэты нередко повторяют стандарты поэтической речи. Рассмотрев сборники Н. Дмитриева, М. Синельникова, Т. Бек, О. Хлебникова, Н. Красновой, С. Бобкова, И. Жданова, А. Королева, мы отметили немало формульных употреблений слова *звезда*. В этом списке на первом месте по количеству формул и полуформульных употреблений — М. Синельников. Вот лишь некоторые примеры поэтических штампов, встретившихся в стихотворных текстах названных поэтов: Мгновенный мир росы и розы — Состав и прах, распад и рост... Когда ж мои глядели слезы В *глаза мерцающие звезды?* (М. Синельников); Снова тверда рука, огненный глаз остер. Вижу — за тридцать верст *искрой упала звезда* (М. Синельников); И желтый месяц конским глазом сужен, И *полог ночи звездами расшит* (М. Синельников); *Астра звезды расцвела / на скварты неба* (Т. Бек); Отразившись, в космос брызнули *лучи / той звезды*, что и сегодня светит нам (О. Хлебников); А потом вокзал и электричка, А сквозь липы *звездочкой окно* (Н. Дмитриев); *звезда упала за / грядку водораздела, / как со щек слеза* (А. Королев). Знакомые нам формулы не оживляют и контекст, включающий названия современных реалий, например: И в *небе звездочка* ирадится *Космического корабля* (Н. Дмитриев); Мы не то, что в прежние года — Чудеса такие делать можем!... Можем с неба *звездочку* достать, Запустить ракету в космос можем (Н. Краснова).

Следует сказать и о некоторых традиционных эпитетах к слову *звезда*, которые можно считать формульными: *золотая, высокая, путевая, молодая* и др. Вот некоторые примеры: Если мама устанет и на ночь окно не закроет, *Золотая звезда* изрисует косой потолок (Т. Бек); И птица повеяла вблизи Над яблонями, затмевая *Звезду молодую* вдали (С. Боков); Как хорошо налимам дышится От *звезд лучисто-молодых!* (Н. Дмитриев); И *высокие звезды* подозрной трубой приручал (Т. Бек) У Т. Бек мы находим и приме,

Не видно ль *звезды* *путевой* Над нашей судьбой *непутевой*. Формульными можно считать особенно распространенные в поэзии сравнения звезды с источниками света: свечей, фонарем, огнями, искрой, лампой и др., например: *Всплывут, всплывут, горя неопалимо, Бессвязных звезд свеченье огоньки* (М. Синельников); *Сумерки гулко стучат зшелонами. Звезд огоньки над земными склонами Переплываю в ночи* (М. Синельников); *Вот звезда упала за село – Чиркнула, как спичка о стекло* (Н. Дмитриев); *Звезды не светятся, словно перегорели Или их камнями мальчишки г звыбили* (Н. Краснова).

Безусловно, и молодые поэты стремятся избежать инерции в употреблении традиционных образов, и следующие контексты демонстрируют такое стремление: *Но звезды в продольном разрезе сплела талефонная жила, / и все предрешенные встречи запутались в ней на ходу* (И. Жданов); *Он откуда родом этот лад и строй, / под небесным сводом на земле сырой?... / В суглолке этой / то ли звук отпечтый, / то ли беглый блеск / нас на ставке очной / со звездой полночной / тннет за язык* (А. Королев); *Другая крайность тоже не к чему – Как на радении, в неукротимом раже Звездой индустриального пейзажа Проще простого выставит луну* (С. Бобков); *Иуда плачет – быть беде! Опержая скорбь Христа, Он тннется к своей звезде / и чувствует: она пуста. / В ней нет ни света, ни тепла, / она промозглая зола, / Она не кровь и не вода, / ей никому и никогда / не смыть греха* (И. Жданов).

Анализ нашего материала показал, что формульные употребления слова *звезда* довольно широко распространены в поэзии XX в. Особенно незащищенными от них оказываются молодые поэты. Развитие поэтического языка приводит как к обновлению формульных сочетаний, так и к возникновению новых формул, которые в свою очередь преодолеваются путем смещенного употребления.

Цель нашего наблюдения – обратить внимание на необходимость описания „формульного фонда“ как отдельных поэтов, так и определенных эпох. В исследовании поэтического языка выделение тех или иных типов формул и их вариаций не менее существенно, чем описание поэтических образов.

APPLICATION FORMULÉ DU MOT ÉTOILE ET SON TRANSFORMATION DANS LES TEXTES DES VERS DES POÈTES DU XX SIÈCLE

O. V. CHOULSKAYA

Résumé

Dans le présent travail on analyse l'actuel problème de la description des poncifs poétiques du XIX et XX siècle. L'objet de l'étude sont les traditionnelles constantes application du mot étoile dans la poésie moderne, auxquelles nous attribuons aussi les reminiscences. Le développement de la langue poétique mène aussi bien au renouvellement des formes stables, qu'à la création des nouveaux poncifs poétiques, qui se transforment d'un mode différent dans la langue artistique.

ЛИТЕРАТУРА

Большакова, 1983 — Большакова Е. С. Устойчивые сочетания спорными словами „звезда“ и „солнце“ в поэзии начала XIX в. // Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения. Л., 1983.

Гаспаров, 1986 — Гаспаров М. Л. Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М.: Наука, 1986.

Григорьев, 1979 — Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.

Джанджакова, 1988 — Джанджакова Е. В. Об использовании цитат в заглавиях художественных произведений // Структура и семантика текста. Воронеж, 1988.

Коженикова, 1986 — Коженикова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986.

Краснянский, 1984 — Краснянский В. В. Поэтический штамп в лирике С. Надсона // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М.: Наука, 1984.

Павлович, 1988 — Павлович Н. В. Автоматизация подготовки словарей. М., 1988.

Поэт и слово. М.: Наука, 1973.

Семенов, 1985 — Семенов И. Творческая история „Стихов о неизвестном солдате“ О. Мандельштама // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1985. Bd. 16.

Шульская, 1986 — Шульская О. В. Глаза и очи в русской поэзии XX в. // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М.: Наука, 1986.

Элштейн, 1986 — Элштейн М. Поколение, нашедшее себя (о молодой поэзии начал 80-х годов) // Вопр. лит-ры, 1986, № 5.

Вильнюсский университет
Кафедра русского языка

Январь, 1990